

РЕЦЕНЗИЯ, ИНТЕРВЬЮ

О. А. ЕФРЕМОВ

ОПЫТ КОЛЛЕКТИВНОГО ПОРТРЕТА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Философы России XIX–XX столетий.

Биографии, идеи, труды.

Главный редактор П. В. Алексеев. М., 1995. 750 с.

Книга, которая сейчас лежит передо мной, необычна. Чем же выделяется она в захлестнувшем нас океане философской литературы? Тем, что это единственное издание, сухим языком словаря-справочника создающее целостную панораму русской философии последних двух столетий.

Это уже второе издание словаря. Первое, вышедшее в свет в 1993 году, не осталось незамеченным. Оно вызвало множество откликов, в которых, наряду с высокой оценкой труда, были высказаны некоторые замечания и пожелания в адрес авторского коллектива. Эти замечания и пожелания указывают, вероятно, на ряд реальных проблем, с которыми пришлось столкнуться главному редактору издания профессору П. В. Алексееву и его сотрудникам.

Такое ясное, казалось бы, на первый взгляд, название справочника «Философы России XIX–XX столетий» на самом деле сразу же ставило перед авторами ряд совсем непростых вопросов. Что считать Россией? Кого считать философом?

В рецензии А. Т. Павлова автор, соглашаясь с тем, что «философами России... считались не только те, кто жил в пределах современной Российской Федерации», высказывает опасение, что попытка включить в число «философов России» граждан стран ближнего зарубежья «может быть, к сожалению, воспринята как проявление имперских настроений или нечто подобное»¹. Мне же представляется, что авторы справочника пошли по правильному пути. Фи-

¹ Павлов А. Т. Русская философия в лицах // Свободная мысль. 1994. № 5. С. Мб.

лософия – явление духа, а не политики. Как бы не кроились и не перекраивались границы государства России, существовала и до сих пор, к счастью, существует многонациональная духовная общность – Россия, одно из выражений которой – российская философия. Люди духа, подлинные интеллигенты не могут, не имеют права идти на поводу у подхваченных амбициозными политиками националистических инстинктов толпы. Ответственность философа, ученого – ответственность перед историей, а не перед конъюнктурным переплетением политических обстоятельств и корыстных интересов. Создававшееся веками духовное единство – русская, российская культура, чуждая анкетному национализму, не должна быть отдана на растерзание разнузданных «восставших масс». И мне представляется, что авторы издания полностью осознают это. Вот почему в справочнике мы находим статьи о тех, кого в ребяческом националистическом порыве «подлинные» соотечественники стремятся сегодня отлучить от российской культуры, зачислив по ведомству соответствующего ближнего зарубежья. Но ведь вне русской культуры неприютными и непонятными останутся эти философы, как и без них неполной будет картина российской философии.

Но отказаться от ложного национализма еще не значит определиться с тем, кто достоин включения в справочник, а кто – нет. Думается, что авторам и здесь удалось найти правильное решение. Критерий выбора – реальный вклад в развитие философии – идейный, организаторский, преподавательский, а не служебные ранги и формальные регалии. Вот почему докторская степень и не гарантирует сама по себе включения в сборник, и не является обязательным условием этого.

Философия – знание особое. И вклад свой в ее развитие внесли не только обладатели дипломов философских факультетов. Математики и естествоиспытатели, историки и филологи, писатели и общественные деятели оставили след в философии. Кто-то, обогатив ее творческими идеями, оригинальными концепциями, а кто-то, поддерживая ее существование и развитие кропотливой рутинной работой, менее заметной, но не менее необходимой и благородной. Ведь без самоотверженного труда редакторов, издателей, библиографов, организаторов и администраторов невозможна была бы деятельность признанных гениев, и потому они тоже – русская фило-

софия. Так что портрет русской философии, созданный в справочнике, – это не утро в горах, когда заметны только сияющие белоснежные вершины, как бы парящие в небесах, а все остальное скрыто густым туманом. Это целостная картина, на которой нашлось место всем, благодаря кому существовала и существует отечественная философская культура.

Особо следует отметить статьи о великих русских писателях, в нетленных своих произведениях, признанных шедеврами художественного творчества, выразивших мысли, не уступающие по глубине идеям классических философских трактатов. Действительно, одна из особенностей русской философии – богатство литературных форм. Жанр философского трактата не был до сих пор преобладающим в истории отечественной мысли. Поэзия и проза, драматургия и публицистика в России всегда отличались философичностью. Чем это объяснялось? Возможно, сказывались особенности российской жизни, заставлявшие прибегать к «эзопову» языку, прятать казавшиеся властям крамольными идеи в складках беллетристики и литературной критики, описаниях конкретных жизненных ситуаций и частных вопросов, скрывая их глубинное содержание и всеобъемлющее значение. А может, это особенность русской мысли, остро сознающей единство мироздания, всегда стремящейся дойти «до корня», в малом видеть великое, не признающей абстракции вне конкретности и испытывающей глубокое чувство ответственности перед реальностью, жизнью, какой она есть. Тогда идея, призванная дать ответ на вопросы, поставленные жизнью, облекалась в плоть конкретных проблем; в действии, литературном или общественном, решались вселенские задачи, на меньшее не соглашались русские люди.

Но как бы там ни было, без Толстого и Достоевского, Пушкина и Гоголя, Ленина и Ткачева отечественная философия немислима так же, как и без Бердяева и Соловьева, Шпета и Потебни.

Авторы словаря учли это обстоятельство и включили во второе издание статьи о Пушкине и Гоголе, отсутствовавшие в первом. Эти оригинальные статьи, безусловно обогатили содержание словаря.

Подзаголовок справочника гласит: «Биографии, идеи, труды». Именно таков принцип построения отдельных статей, позволяю-

щий авторам целостно охарактеризовать представленных в справочнике философов. Сведения биографического характера сопровождаются кратким, но насыщенным изложением основных идей философа, а библиографическая справка, заключающая каждую статью, содержит сведения о публикациях, в которых эти идеи излагались.

Традиционный для справочника алфавитный принцип организации материала, когда имена признанных классиков соседствуют со статьями о наших современниках, способен вызвать ощущение некоторого дискомфорта. Действительно, те, кто для тебя не просто люди, а персонализированные идеи, собрания сочинений, вдруг оказываются рядом с теми, кого хоть и уважаешь, чей научный авторитет для тебя безусловен, но кто воспринимается как реальный живой человек – учитель, коллега, оппонент, друг... Но ведь и сегодняшняя классика – вчерашняя современность, и «комплексы идей» когда-то были живыми людьми, с кем-то встречались и здоровались в университетских коридорах, спорили и дружили, у кого-то учились и кого-то учили. Ведь отечественная философия – это не застывшая конструкция, а процесс, история, постоянное развитие.

Когда философ пишет о философе, трудно бывает отвлечься от собственных предпочтений, избежать произвольной и тенденциозной интерпретации. Даже в таком «сухом» издании, как справочник, нелегко быть объективным. Выразиться это может в чем угодно – в подборе персоналий, объеме статей, изложении идей. Как заявлено в предисловии ко второму изданию, авторы «стремились следовать изначально заявленному принципу «гуманистического универсализма», не пытаясь преувеличить или преуменьшить значение каких-либо из направлений, школ, ориентации или отдельных фигур отечественной философии, хотя и сталкивались с попытками «партийного» или «кланового» воздействия, равно как и с упреками в субъективизме» (с. 3). Думается, что в целом авторам это удалось. Однако вызывает сомнение уместность ряда оценок, встречающихся в некоторых статьях, в особенности в статьях о философствующих политиках. Например, статья об И. В. Сталине. Наверное, такая статья действительно нужна – какова бы ни была философская ценность идей Сталина, воздействие его на судьбу

философии не подлежит сомнению. Но к чему определение: «Один из наиболее жестоких диктаторов XX века, утвердивший тоталитарную систему в нашей стране»? Если уж анализировать роль Сталина в становлении советского общества, то нельзя отделяться только этими фразами². Но вряд ли такому анализу место в этом словаре, и уж тем более следовало бы избегать эмоциональных оценок.

Представляется излишней и щепетильность авторов, при составлении словаря не включивших в него тех философов, кто по «партийным» соображениям сам отказался туда войти. Все же словарь должен создавать объективную картину русской философии, и личное нежелание оказаться в «недостойной» компании не стоит, вероятно, принимать во внимание. Так же, впрочем, как и самое горячее желание войти в словарь не может служить достаточной причиной для упоминания в нем.

О том, что словарь не просто философский аналог ставших модными справочников «Кто есть кто», свидетельствует включенная в него интересная подборка статей об особенностях русской философской мысли. Она как бы интегрирует словарь, дополняя внешний алфавитный принцип построения осмыслением русской философии последних двух столетий как целого, обладающего своеобразием и внутренним единством. Помимо широко известных философской публике статей С. Л. Франка, Н. О. Лосского, Б. П. Вышеславцева, не затрагивающих развития русской философии в советский период или даже прямо отрицающих возможность существования философии в советской России, опубликована статья И. Ю. Алексеевой, где рассматривается проблема преемственности советской философии по отношению к философии дооктябрьского периода. Преемственность предстает не как простое продолжение, а как продолжение диалектическое, включающее в себя существенный момент отрицания, принципиальной новизны, принимающей порой формы полного разрыва с прошлым и создания новой традиции.

² На это обращала внимание и В. И. Селиванова в рецензии на первое издание словаря. См.: Селиванова В. И. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...»//Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1994. № 4. С. 69.

Действительно, существование философии в императорской России вряд ли нуждается сейчас в специальном доказательстве. Но с философией советского периода дело обстоит сложнее. Охватившее нас в последнее время кликушеское самобичевание заставляет отрицать все, что связано с последними семьдесятю годами русской истории, в том числе и отечественную философию этого периода. Западнический нигилизм смыкается здесь с возрождающимся славянофильским национализмом, рассматривающим «советскую» философию только как оторвавшегося от национальных корней идеологического монстра. Реальные достижения философов советского периода в различных областях: онтологии, гносеологии, социальной философии, логике и т. д., – не уступающие достижениям западных коллег, а зачастую и превосходящие их, убедительно доказывают, что философская мысль в России жила и развивалась. Вопреки жесточайшему идеологическому прессингу ей удалось сохранить и творчески развить гуманистические ценности русской философии XIX века, остаться на уровне требований, предъявляемых к ней эпохой.

Весомым свидетельством данному факту стал словарь «Философы России XIX–XX столетий», авторам которого удалось в сухой и строгой форме справочника создать непростую картину философствующей России, такой, какой она была на протяжении двух последних столетий.

Работа над словарем не может быть закончена в принципе. Жизнь не стоит на месте, да и рекомендации читателей первых изданий позволяют вносить коррективы, расширять содержание словаря. Хочется пожелать авторскому коллективу под руководством П. В. Алексеева успехов в дальнейшем труде над справочником, который, перефразируя известного классика отечественной философской мысли, можно в полном смысле слова считать «зеркалом русской философии».